

ЧЕЛОВЕК ИЗ ПЕСНИ

А начиналось все в 1939-м

ПРОЩАЙ, ЖЕНЯ!

...Ах, какой это был веселый, милый, остроумный совсем молодой человек Евгений Долматовский, когда мы с ним познакомились в 1939 году при совместной работе над фильмом «Истребители»! И знакомство это перешло очень быстро в человеческую и творческую дружбу, длившуюся до самой его кончины.

Для фильма «Истребители» нам предстояло написать две песни. Одна из них — «Песня школьников-выпускников» — у нас не получилась, хотя она в фильм и вошла, но никто ее так и не запел. А вот у «Любимого города», еще до выхода фильма в свет, сложилась необычная судьба. Сочинилась она быстро, но пока ее, еще до показа на киностудии не утвердили, наши друзья-летчики Анатолий Серов, Михаил Якушин, Борис Смирнов, только что вернувшиеся с гражданской войны в Испании, — песню на студии не демонстрировали. Съёмочной группе она понравилась, Марк Бернес быстро ее выучил. Помните сцену на вечеринке: молодой, белозубый, со светлой копной волос, Марк поет «Любимый город», аккомпанируя себе на рояле (на рояле-то в действительности играл я, но ведь в кино без «обмана» нельзя!).

Показали картину директору студии, она ему понравилась. Но вот песню он приказал изъять из фильма как незапоминающуюся, мешающую и расслабленно-лирическую. Съёмочный коллектив был огорчен — «Любимый город» пела уже вся студия. И тут мы воспользовались отъездом директора в командировку и отвезли картину сдавать в Москву, в Кинокомитет. Там фильм одобрили, а песню отметили отдельно как удачный образец гражданской лирики, «так нужной сейчас советской молодежи».

Вернувшись в Киев, где снимался фильм, мы сказали директору, что все в порядке, песня полностью заменена и сцена переснята.

— Показите, — сказал он, — чем сильно нас смутит и обеспокоит. Посмотрев эту сцену, он долго сидел молча, затем обвел серьезным взглядом всех присутствующих и удовлетворенно изрек: «Ну вот теперь другое дело!». Об этом эпизоде я напомнил ему потом, во время нашей случайной встречи на фронте, и он был крайне смущен...

ДОРОГА НА БАЗАР

По всем законам подлости и хамства
Клубится матерящийся базар.
Торговые бандиты бьют вьетнамца,
Мальчишку злобно хлещут по глазам.
А я звал его еще ребенком,
Таких же в джунглях видел громил,
Когда лежал под шариковой бомбой,
Пройдя тропью прыгающих мин.
А горлышко, охрипшее от крика,
Перехватили мокрая жара,
И говорят о переходе к рынку
Трансляции кривые рупора.

СЕГОДНЯ

Говорят, наемники прилетели
К нам на землю инопланетяне;
В городе теперь гудят рассказы,
Рьяно подтверждают очевидцы,
Что они сутулы и трехглазы,
А глаза — как зерна чечевицы.
Их корабль стоит в районном сквере.
Право-слово, совершенно точно
Сохранились — можете проверить —
Рытвины и впадины на почве.
Гости нашу речь не разумели.
Разводили черными клешнями.
В семь часов обратно улетели,
Скрылся аппарат за облаками.
Ураганы и землетрясения
Сотрясают старую планету.
Срочно выручайте космолетсы,
От магнитных бурь спасенья нету.
Так бывает: если людям плохо,
И земли ускорено вращенье,
Растерявшись, требует эпоха
Всяческих чудес и превращений.

ШАРМАНКА

Я хочу рассказать о далекой поре,
Помню я, как играла шарманка,
Музыкант появлялся на нашем дворе,
У него на плече попугай,
а еще иногда обезьянка.

году. Меня обвинили, что я усыпляю бдительность советского народа: в Европе уже идет вторая мировая война, а этот молодой поэт утверждает, что «любимый город может спать спокойно!».

Популярная уже во время войны и безобидная песня «Офицерский вальс» не понравилась Сталину. Как только он ее услышал, чуть покривился. Было дано высочайшее указание «Правде» ее раскритиковать. А привести разговор в исполнение было поручено композитору Дмитрию Кабалевскому. Дмитрий Борисович был моим добрым знакомым, мы сотрудничали, дружили. Кабалевский назначил мне тайное свидание, объяснил, что ему передано мнение товарища Сталина и поручено «раздолбить» эту мешанскую песню. Ослушаться он не может, но сделает все, чтобы смягчить удар по тем, кого он любит (то есть его коллеге Марку Фрадкину и мне). Статья действительно появилась в газете — серая, тшдушная. Песня выдержала. Но была переименована из «Офицерского вальса» в «Случайный вальс». Лет через сорок старое название к ней вернулось, но уже... в некрологе по Марку Фрадкину.

Зачем я рассказываю об этом? Ведь древность, руины нашей истории... Но не мешало вспомнить, что многие стихи и песни прошли «испытание временем»...

Досталось и песне «Помнят люди». Сергею Григорьевичу Лапину, ведавшему в те годы радио и телевидением, она «не показалась». А в свое время от него многое зависело в жизни нашей культуры. Я был с ним знаком с давних пор и называл в кругу товарищей любимым врагом. Считалось, что он ко мне неплохо относится: улыбается при встрече, откровенен в беседах, умеренно, но допускает в эфир... У него был мрачный пунктик: то, что именовалось «дружбой народов», он душой не принимал. Ему всюду мерещились происки тайных националистов. Уже объявленная в программе «Говорит и показывает Москва» песня по радио так и не прозвучала. Я пошел к Лапину объясняться.

А с нашей песней «Ты ждешь, Лизавета», написанной для фильма «Александр Пархоменко», произошла забавная история. Режиссеру Леониду Лукову потребовалась шуточная песенка для сцены фронтовой свадьбы Пархоменко — ее должны были исполнять в честь жениха с невестой его друзья, замечательные актеры Петя Алейников и Степа Каюков. Я довольно быстро набросал мелодию, Лукову она понравилась, но выяснилось, что невозможно найти поэта — все разбегались: кто на фронте, кто в эвакуации. И тогда я, набравшись нахальства, предложил режиссеру свои услуги в качестве поэта. Получил «добро» и написал абсолютную чушь, идиотские вирши. К моему удивлению, Луков вирши эти одобрил. Что говорили в мой адрес как поэта снимавшиеся под эту фонограмму артисты, в печати публиковать неудобно.

Сцена с песней была снята. Госмотрели — ничего не получилось! Мелодия лирическая, в народном духе, а слова совсем идиотские. Но тут, к счастью, приехал на несколько дней с фронта Женя Долматовский, посмотрел мою «поэтическую продукцию», соответствующее ее аттестовал, и написал на мою мелодию прекрасные стихи, которые полностью и стилистически, и мелодически слились с музыкой. Но песня стала уже другого характера, и Луков поместил ее в эпизод, когда Пархоменко со своими соратниками возвращается после боя. И, таким образом, мое поэтическое творение осталось за бортом. А ведь как поэтично начиналось:

Лучок да картошка,
Огурчик соленный,
Мировая закуска в огороде растет.
Что надо мне в жизни —
Лишь садик зеленый,
Свой зеленый садик-огород...

Дружили мы и работали с Женей долгие годы, никогда не ссорились, всегда находили в работе общий язык, и я бесконечно благодарен моему другу за те прекрасные стихи, которые долгими десятилетиями еще хранятся в душах людей, их полюбивших. Ах, как мне тебя не хватает, милый мой Женя!

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

Ни живую славы, ни посмертной,
Добывали честно дети времени
Под землей сокровища несметные.
Чистым руковетным ветром дунувшим
Затрубили поезда победные.
Не мечтали мы, что станем в будущем
Первооткрывателями бедными.
Но центристемительную, может быть,
Одолеет сила центробежная.
Может, современная Остоженка
Станет Метростроевской по-прежнему.

МОЙ ПОЕЗД ОТХОДИТ

Я никого не провожаю
И никуда не уезжаю,
Я просто вышел на перрон,
И снова ночью голубую
Наедине с самим собой
В тебя, далекую, влюблен.
Со мной по вокзалу задумчиво бродит
Железнодорожная грусть.
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
А я остаюсь.

Соединяясь с этим миром,
Хочу быть вечным пассажиром
Всех отходящих поездов.
Куда ты едешь и откуда,
Но все равно тебя я буду
Встречать с охапкою цветов.
Со мной по вокзалу задумчиво бродит
Железнодорожная грусть,
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
А я остаюсь.
Твой поезд медленно причалил,
Но никого я не встречаю,
И поспешу опять туда,
Где в неизвестные маршруты
До отправления три минуты,
И отбывают поезда.
Со мной по вокзалу задумчиво бродит
Железнодорожная грусть,
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
Мой поезд отходит,
А я остаюсь.

Попугай нам вытаскивал счастье,
Понимаю, что счастье обман,
Но узнать, что вас ждет впереди,
Это так интересно.

А шарманка, шарманка от слова «шарман»,
А шарман в переводе с французского —
Это прелестно.
Вот в помятую шляпу монета летит из окна,
Музыкант отвечает жеманным поклоном,
Сколько песен пропето, но только одна
Навсегда,

навсегда поселилась под нашим балконом.
Этот ящик со шторами,
Словно маленький звучный орган.
Там в его глубине
Нежной музыке тесно.

А шарманка, шарманка от слова «шарман»,
А шарман в переводе с французского —
Это прелестно.
Тот, кто помнит шарманку, тот должен понять,
Ведь на ней красовались амуры,
А сегодня шарманка уже экспонат,
Прихожу на нее посмотреть
я в музей музыкальной культуры.

Говорят, что у той обезьянки
Был с попугаем роман.
Но, пожалуй, при детях о том
Говорить неуместно.
А шарманка, шарманка от слова «шарман»,
А шарман в переводе с французского —
Это прелестно.

ОСТОЖЕНКА

Встретила общественность восторженно,
А газеты даже с ликованием
Возвращенье улице Остоженке
Презжнего ее именования.
А мои товарищи расстроились:
В этой перемене что такого?м
У советской нашей Метростроевской
Был ведь тоже стаж полувековой.
Стройку мы вели открытым способом,
И ударные бригады звонкие
Открывали золотые россыпи
В глине вязкой — юрской и девонской.
Ни награды ни ища, ни премии,

Он был со мной откровенен:

— У тебя в песне есть строчка «кто этот черноглазый», а звучит «черномазый». И вообще все у вас видно наружу, все...

Мы крупно поругались, я ушел, хлопнув дверью. Но песня была «закрыта».

Вскоре, однако, пришел мой звездный час: тот же Лапин разрешил передать из Колонного зала Дома союзов большой концерт песен на мои стихи. Передать по радио и показать по телевидению.

Я включил в программу песни по своему усмотрению. Готовились исполнители, хоры, оркестры, Краснознаменный ансамбль. Накануне концерта мне позвонил Лапин. Лично... домой. Высокая честь!

— Я сегодня уезжаю за границу. Программу концерта видел. У меня только одна просьба — выбрось песню про белорусскую крестьянку и черномазого. И кто исполнитель? Кобзон? И кто композитор? Фельцман? Это песня для инвалидов, проходящих с протанутой шапкой по вагону подмосковной электрички. Снять!

Я не стал рассказывать ни дирижеру, ни исполнителю песни, что приказал телерадионачальник. Все же концерт мой, черт побери! Песня прошла с успехом. Дошла до людей.

Первым откликнулся автор заметки в «Правде» Юрий Сапожков. Он, оказывается, продолжает поиски героев этой истории. Уточнено место действий — город Лоев, там, где близко сходятся Украина и Белоруссия.

Имя спасенного установлено: это Джапаридзе Георгий Васильевич, житель Тбилиси. Все было в жизни так, как изложено в песне. Но Сапожков и другие участники поисков, в том числе и пионеры — и белорусские, и грузинские, узнали много подробностей. Новые сведения получил и я, когда валом повалили ко мне отклики на песню.

Черноглазый, которого белорусская крестьянка представила своим братом, был, оказывается, в ту пору еще не лейтенантом, а рядовым кавалеристом, «сабельником». Вся эта история обретает еще большую значимость потому, что задержанный немецким патрулем человек под гимнастеркой был обернут Боевым знаменем 67-го кавалерийского полка 21-й Кавдивизии.

За спасение знамени герой был награжден орденом (приказ по Брянскому фронту № 2/Н от 11 января 1942 года). Джапаридзе тогда вышел из окружения. Лейтенантом он стал в междуречье Волги и Дона, а потом вновь прошел по Белоруссии и войну закончил в Берлине гвардии майором.

Из щедрой почты, вызванной песней, я накопил много эпизодов, подобных случаю с Джапаридзе. Илларион Малиров из Северного Флота утверждает, что «аналогичное приключилось» с ним в июле 1941 года в 2 — 3 километрах западнее города Радомышля. Оксана Романченко с Полтавщины вспоминает, как спасла неизвестного капитана, выдав его за своего брата. Он писал ей в 1945 году уже из Берлина. Инвалид второй группы Иван Филиппович Резник из Крыма написал, что с ним точно такая история произошла в Югославии, где его с товарищем спасла, укрывала и проводила в партизанскую бригаду крестьянка, мать двоих детей. Иван Резник просил помочь ему найти свою спасительницу. Но возможно ли? Столько лет прошло...

Поиски женщины, выдавшей Джапаридзе за своего брата, не увенчались успехом в Лоеве и окружающих селах. Сведения противоречивы. В одном письме сообщают, что спасительница того красноармейца была в 1942 году угнана на работы в Германию, и след ее затерялся, в другом — она уехала из села на Украину.

В моем «досье» на песни трагическое перемешано с комическим. Записан и такой случай.

Звонок по междугороднему телефону из Кисловодска. Дело было в 1975 году. Говорит культработник санатория. К нему обратился человек с гитарой, с русскими и грузинскими чертами лица. Лет под тридцать или несколько постарше. Предложил дать концерт в санатории. Начал с песни «Помнят люди» и рассказал аудитории, что изложенное в песне произошло на войне и имеет к нему прямое отношение: он родился через девять месяцев после того, как его мамаша спасла грузинского лейтенанта. Спасенный несколько дней пребывал в материнском доме, а потом ушел в партизаны.

Дальше длинный рассказ, как появился дитя. Время было трудное, голодное. Мальчик вырос без отца, а когда стал большим, ушел в мирное время, стал артистом и теперь поет эту песню, и при помощи песни ищет того лейтенанта, который обязан матери спасением, а он, певец, обязан ему своим появлением на свет.

Артист гастролирует в санаториях минераловодской группы и пользуется феноменальным успехом. Отдыхающие не только аплодируют — многие плачут. Культработник не поверил предпринимчивому артисту и вот теперь надеется у меня выяснить, сколь достоверна рассказываемая им история.

Признаться, таким пикантным эпизодом еще не пополнились мои рассказы о песнях. Я попросил культработника заглянуть в паспорт артиста. На следующий день — опять звонок междугородний: артист оказался 1946 года рождения, как и можно было предположить, ловкач и пройдоха...

Но настоящего героя песни я все-таки повстречал на дорогах жизни. Будучи однажды в Тбилиси, я был приглашен к Георгию Васильевичу Джапаридзе, познакомился с семьей, товарищами и соседями. Он оказался веселым и добрым человеком, мы сразу подружились. Он уже несколько раз ездил в Белоруссию, упорно искал свою спасительницу, но так и не нашел ее следа. А Джапаридзе искать умеет: он геолог, доктор наук, организатор и душа многих экспедиций...

Меня как искателя уже опередили в его доме: здесь побывали и поэт Амирхан Абшилава, переводчик песни на грузинский язык, и корреспонденты тбилисских газет. Все подробности уже известны в печати. У меня еще лишь одна хорошая новость: песню о своем профессоре исполнила студенческая капелла политехнического института.

Может быть, напрасно я поверил, что прошло время песен, хотя бы тех, что именовались советскими...

Евгений ДОЛМАТОВСКИЙ

Сегодня читателям «Вечерней Москвы» представляется возможность познакомиться с некоторыми из последних произведений Евгения Долматовского. Он тоже был подписчиком этой газеты. Уже 40 дней как поэта нет с нами. Однако его жизнь продолжается в его книгах: в стихах, прозе, публицистике и песне. Некоторые из стихотворений, как вы увидите, с самого начала предназначены автором для песенного жанра. О чем бы они ни были, лирическая пронзительность отличает их. В стихах, как всегда у Долматовского, пульсирует время, глубокая драма эпохи, открывшаяся нам и снова, и снова безжалостно правящая судьбами людей. Здесь же глава из новой книги прозы «Очевидец». Возвращенная автору одним из авторитетных в прошлом издательств — по причине его полной перестройки, — в 1995 году в журнальном варианте книга будет опубликована в журнале «Октябрь». Эту добрую весть Евгений Долматовский успел услышать...

Публикацию подготовила М. И. Безрукова-Долматовская. Я и не думал, что из стихотворения «На земле многострадальной белорусской» когда-нибудь получится песня. Стихотворение же родилось из газетной заметки, опубликованной в «Правде». Ее автором был корреспондент Юрий Сапожков, мне тогда не известный, но после ставший добрым другом и сотоварищем по поискам героев Великой Отечественной войны. В пятнадцати — двадцати строках раскрывался сюжет не столько репортажный, сколько поэтический. Он-то и завел меня, что называется, с полоборота, и превратился в стихотворные строки:

На земле многострадальной белорусской
Наш разведчик в руки врагу попался.
Был захвачен он, когда тропинкой узкой
В партизанские районы пробирался.
Был он смуглый, черноглазый, чернобровый,
Он из Грузии ушел в поход суровый.
«Ты ласутик?»

Признавайся в час последний!
Отвечал он: «Из деревни я соседней...»
По деревне, по снегам осиротелым
Повели его галдящую гурьбою.

«Если врешь, не миновать тебе расстрела,
Если правда, то отпустим, черт с тобою.
Не иначе, лейтенантом был ты прежде,
А теперь в крестьянской прятаться одежде».
Отвечал он: «Вон вторая хата с края,
Проживает там сестра моя родная».
Тяжела его прощальная дорога.
Конвоиры аж заходятся от злости.
Смотрит женщина растерянно с порога:
Незнакомца к ней ведут лихие гости.

«Узнаешь ли ты, кто этот черноглазый?»
Что ответить, коль не видела ни разу?
Оттолкнула чужеземного солдата:
«Ты не трогай моего родного брата».

И прильнула вдруг к щеке его колючей,
От мучения, от смерти заслонила.
На Полесье помнят люди этот случай,
В лихолетье, в сорок первом это было.
Ничего о них мне больше не известно,
Но о брате и сестре сложилась песня.
Может, в Грузии ту песню он услышит,
И письмом в Белоруссию напишет.

Я опубликовал стихотворение и вскоре получил от разных своих товарищей-композиторов и от неизвестных мне музыкантов-любителей нотные строки. Оказывается, стихотворение «На земле многострадальной белорусской» ложится на музыку довольно легко. Имея опыт сочинения песен, я не предполагал, что именно в этом случае может получиться песня. Стихотворение длинное, многострочное. А в те времена даже при заключении договора на сочинение песни, ну скажем, для кинофильма, оговаривалось условие: произведение должно состоять не более чем из 24 строк. У меня же получилось 32 строки, да еще длинных-предлинных. Текст повествовательный, избоблюющий подробностями, диалогами. Нет, песня не получится.

Тем не менее вот сейчас передо мной реально стоял вопрос: какую мелодию выбрать из многих, одобрить и предложить для исполнения? Наиболее соответствующей настроению стихотворения мне показалась баллада, сочиненная Оскаром Фельцманом. Он в те времена сочинил несколько сюжетных вещей-баллад, и мое стихотворение как раз соответствовало этому жанру.

Поскольку разговор о песне, требуется некоторое отступление. На последнем отрезке нашего века с таким музыкально-поэтическим жанром, как советская песня, произошли решительные изменения. Ладно, будем откровенны: умерла она, песня, либо впала в летаргическое состояние... Песни композиторов Дунаевского, Блантера, братьев Покрасс, Милютина, Мурадели, Шостаковича, Островского, Фрадкина, тех мастеров, которые были знамениты в середине века, сошли с эстрады, экранов телевидения. Лишь изредка всеильное музыкальное телевидение показывает несколько песен подряд под заголовком «Это было, было...» Пришла новая исполнительская манера, новые жанры. Не теоретизируя, скажу: песня, сочиненная Оскаром Фельцманом (она стала называться «Помнят люди»), относится к категории забытых песен прошлых лет. «Это было, было...»

А как она жила, как пелась?
Ее начали исполнять тогда знаменитые артисты, в том числе Иосиф Кобзон и Людмила Зыкина. Песня начала распространяться.

Я включил ее в авторский сборник, готовившийся в музыкальном издательстве. Молодой редактор был доброжелателен и говорлив:

— Ну зачем вам в свою, так сказать, антологию, где непременно будут песни довоенные и военные, проверенные временем, включать новую песню, еще не знаменитую. Кстати, вы не заметили, что в эфире она не звучит? Вы не слышали: что-то было с ней на художественном совете телевидения?

— Нет, не слышал...

Редактор замаялся, замолчал.
Но вскоре «неприятности» с песней «Помнят люди» выплзли наружу. Есть, оказывается, указание: не исполнять ее по радио и по телевидению.

У меня неприятности с песнями возникали с довоенных лет. Одна из первых моих песен «Любимый город» была запрещена еще в 1940